DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-377-419

А. В. Никитина (Санкт-Петербург)

Псковские материалы в записях 2001 г., сделанных на острове Большой Березовый (Карельский перешеек)

A. V. Nikitina (Saint-Petersburg)

Pskov Traditions in the Records of 2001 Collected on Bolshoy Berezovy Island (Karelian Isthmus)

Аннотация

В публикации представлены фрагменты интервью, имеющие отношение к псковской традиционной культуре и записанные на острове Большой Березовый (Финский залив, западное побережье Карельского перешейка) в 2001 г., с привлечением дополнительных материалов 2013 г. Показан опыт фиксации изменений культурного ландшафта в отдельно взятой пространственно-временной позиции.

***Ключевые слова**: календарные и промысловые обычаи, свадьба, плачевая традиция, бытовые верования*

Abstract

The article presents fragments of interviews related to Pskov's traditional culture, recorded on Bolshoy Berezovy Island (Gulf of Finland, west coast of the Karelian Isthmus) in 2001, with additional records made in 2013. The article demonstrates the attempt to capture the changes in a cultural landscape at a specific space-time location.

***Keywords:** calendar and fishing customs, wedding, lamentation tradition, traditional beliefs*

Публикуемые материалы – дань памяти людям ушедшим, фрагменты нескольких интервью, чье содержание, так или иначе, имеет отношение к псковской традиции[1]. Укажем сразу: само место записи с псковской традиционной культурой никак не связано, равно как и с любой другой русской локальной традицией, так как население региона (и архипелага Березовых островов, и развернутой на него части Карельского перешейка) до включения в 1944 г. в состав СССР вполне четко определялось как карело-финско-шведское[2].

В конце июля 1944 г. все жители островов, ставших советской территорией, были спешно эвакуированы финскими властями, а в конце августа Большой Березовый остров[3] принял первых русских переселенцев.

Основную их группу составили жители трех старых рыбацких поселений у Чудского озера, входивших в один сельсовет, т. е. довольно компактное и в культурном плане однородное объединение, к тому же оказавшееся на новой территории практически единовременно. Остальные – переселенцы (небольшие группы, семейные пары, одиночки) из разных деревень и хуторов Калининской области, которые перебирались на островное житье позже и разрозненно; еще позже и единично – переселенцы из других регионов.

---

[1] Записи интервью – личный архив автора; мысль о целесообразности публикации подборки «псковских» фрагментов этих интервью возникла в связи с выбором материала для сообщения на научной конференции «Русский Север: Традиции. Преемственность. Память», проводившейся с участием Института русской литературы (Пушкинский Дом) в ноябре 2021 г. Материал не севернорусский, а северо-западного региона, но представляющий собой интересный, на наш взгляд, пример изменения культурного ландшафта в конкретных пространственно-временных координатах и работы механизмов памяти и преемственности традиции.

[2] См. раздел по истории освоения региона: Природная среда и биологическое разнообразие архипелага Березовые острова (Финский залив) / Отв. ред. Н. Н. Цвелев. СПб., 2007. С. 21–37. Раннее новгородское включение (остров Равица, XIII в.) документально не подтверждено. Очевидно также, что на состав населения не повлияло ни присоединение в ходе Северной войны (в 1721 г.) Карельского перешейка к Российской империи, ни вхождение Койвисто и всей Выборгской Карелии в 1810 г. в состав Великого княжества Финляндского. Подтвержденных данных о русской составляющей населения Березовых островов до середины XX в. нет, и едва ли можно говорить о наличии сколько-нибудь значимого русского культурного следа.

[3] Большой Березовый – Бьёркё (*швед.*) или Койвисто (*фин.*) – самый крупный из 16 островов архипелага, расположенного в северной части Финского залива. Название пролива, отделяющего остров от материка, *Бьёркезунд* напоминает о шведском территориальном контроле и подтверждает значимость острова, поделившегося своим именем с проливом и с архипелагом. Архипелаг до 1950 г. официально указывался как Бьёркский или Койвистовский (Koivusaaret (*фин.*); его русское название – Березовые острова, встречающееся в средневековых документах, скорее всего, не более чем переводной прецедент.

Острова Большой Березовый и части побережья Карельского перешейка (Природная среда и биологическое разнообразие архипелага Березовые острова (Финский залив). СПб., 2007. Прил. Карта № 6)

С момента переселения можно было бы вести отсчет появления на острове новой традиции; однако таковую с самого начала приходится принимать как условную, так как она явно представляла собой смесь массовой советской культуры и элементов традиций тех российских регионов, откуда прибыли новые островитяне. Насколько можно судить,

существенный поначалу псковский элемент довольно быстро «выцвел» и как часть островного культурного субстрата был жив, пока были живы его носители.

Теоретически поддержанию новой островной традиции могла бы способствовать обусловленная близостью границы закрытость региона, и Большого Березового о-ва в частности[4], которая сдерживала наплыв случайных людей, обеспечивая определенную изолированность и ограниченный состав населения; однако малая доступность и статус природного заповедника сделали из Большого Березового объект определенных интересов – на фоне неоднократных попыток выселить островитян на материк[5] обустраивались пионерлагерь (пос. Петровское) и база отдыха НИИ «Гидроприбор» (пос. Краснoостровский), разрабатывался план элитного дачного поселка[6]. В результате на острове появилась и стала активно разрастаться доля людей сторонних – новых владельцев домов и участков, арендаторов, сезонных дачников и др., мало или вовсе не имеющих отношения к островитянам первого поколения. На сегодняшний день факторы временности и размытости островного населения настолько значительны, что вопрос существования местной традиции, не говоря уже о преемственности, неактуален.

Осталось упомянуть, что в девяностые, благодаря развалу Советского Союза и ослаблению пограничных ограничений с Финляндией, на Большой Березовый обрушился поток финнов, бывших островитян и их потомков, желающих проведать малую родину. Ностальгические туры сошли на нет к концу нулевых; до недавнего времени сохранялись официальные посещения, поддерживавшие военно-историческую память места[7].

Основной блок отобранного для данной публикации материала записан в июле – августе 2001 г.[8] Были интервьюированы *Любовь Ивановна*

---

[4] Десятилетиями прямо на острове находилась погранзастава и существовала жесткая система допуска по ежегодно обновляемым пропускам.

[5] В конце 70-х гг. пос. Краснoостровский был объявлен «неперспективным» и перестал входить в списки населенных пунктов Ленобласти; островитяне тотально получили жилье в Приморске, так что к 2007 г. постоянными жителями поселка числятся «не более 5 человек (причем прописаны они на “материке”)» (см.: Природная среда и биологическое разнообразие архипелага Березовые острова... С. 36).

[6] Проект стал активно реализовываться в конце нулевых на месте пос. Петровское (оставлено название советского времени – бывш. финские Эйстиля и Ингертиля) на северной оконечности Большого Березового.

[7] Отметим справедливости ради, что в Приморске в кирхе св. Магдалины (1902–1904 гг., И. Стенбек) и ныне существуют местный краеведческий музей и архив.

[8] В авторском архиве пять аудиокассет: 1 – зап. Л. И. Семеновой от 25.07.2001 г.; 2 – зап. Л. И. Семеновой от 05.08.01 г.; 3 – зап. Л. И. Семеновой от 07.08.01 г.;

Островная переправа, 2001 г.

Семенова (1926 г. р., на острове с авг. 1944 г.) и *Надежда Михайловна Шатрова* (1927 г. р., на острове с сер. 50-х гг.), представляющие поселенцев первого поколения. Было также взято интервью у четы *Голубевых – Георгия Ивановича* (1910 г. р.) и *Тамары Александровны* (1926 г. р.) – на острове с 1978 г.; островитянами их можно считать с долей условности, по сути, они – дачники, проводившие на острове теплое время года (правда, на момент их включения в островное сообщество большинство островитян с наступлением холодов перебирались в Приморск, зимовать оставались не более полусотни человек).

Из интервьюированных уроженцами Псковской земли являются двое: Любовь Ивановна Семенова и Георгий Иванович Голубев. Поэтому материал интервью с Н. М. Шатровой, близкой подругой Любови Ивановны, здесь привлекаться не будет, Надежда Михайловна родом из-под Твери (как сказала Любовь Ивановна, «Шатрова... тея уйму знает... <но> она сама калининская»). Не будут задействованы и записи беседы с Г. И. Голубевым[9] – кассета повреждена и восстановлению не подлежит;

4 – зап. Н. М. Шатровой от 07.08.01 г.; 5 – зап. Л. И. Семеновой от 10.08.01 г. Информацию по интервьюированным см. в конце статьи.

[9] Кассета (6) с зап. Г. И. Голубева и Т. А. Голубевой от 28.07.2001 г.; по сложившимся обстоятельствам фиксация той беседы на бумаге не велась.

но эту потерю в какой-то мере восполняет интервью, взятое двенадцатью годами позже у Т. А. Голубевой[10].

Таким образом, основной массив публикации составляют воспоминания Любови Ивановны («как в нас было», «там, на родине»), которые дополняют фрагменты интервью с Тамарой Александровной, касающиеся псковских корней Георгия Ивановича. Публикуемый материал в подавляющем большинстве – воспоминания личные, но, нельзя не отметить, что обе интервьюируемые часто привлекают информацию, полученную от близких, родных и знакомых. В случае с Любовью Ивановной это явное апеллирование к памяти и авторитету носителей псковской традиции (и, в первую очередь, родной матери). В случае Тамары Александровны идет опосредованная передача данных, требующая учета временны́х и социальных фильтров, так как транслирует горожанка (ленинградка военного поколения), женщина с высшим образованием (историк-обществовед) и на шестнадцать лет моложе мужа, о псковской «стороне» личности и жизни которого рассказывает. Любовь Ивановна – ее одногодка, женщина деревенская (пережившая оккупацию), с неоконченной сельской школой, реализовавшая себя в мужской профессии и, пусть с существенными пробелами, сама носительница псковской традиции.

Тамара Александровна и Любовь Ивановна

[10] Кассета (7) с зап. Т. А. Голубевой от 23.09.2013 г.

Отобранные для публикации фрагменты обоих интервью организованы в восемь тематических разделов, каждый из которых, за исключением двух (3 и 8), начинает беседа с Любовью Ивановной, а завершает воспоминание Тамары Александровны «в тему» или соответствующая информация о Георгии Ивановиче; оставлена диалоговая форма подачи.

* * *

Голубевы и Семеновы – соседи, оба участка находятся чуть на отшибе и выходят на воду залива – это «набережная» и нижний конец Красноостровского поселка, основная часть которого расположена выше – нужно подняться по склону. В заливе почти напротив дома Голубевых, метрах в трехстах, лежит давший поселку название Красный остров[11]. Дом Семеновых также «смотрит» на залив, и, насколько известно, это тот самый финский дом, в котором поселилась в 1944 г. семья Любови Ивановны.

Красный остров (слева)

[11] Пос. Краснoостровский находится на побережье юго-восточной части Большого Березового. Сам Красный остров (бывш. фин. Сааренпяя) крохотный, в сторону берега от него почти сразу идет мелководье, на котором держат лодки местные рыбаки. По преданию, островок служил ориентиром кораблям викингов при заходах на Большой Березовый для пополнения запасов пресной воды; «тот самый» источник (*кипун*) находится прямо

Любовь Ивановна во время интервью

1. Беседа с Любовью Ивановной началась с ее воспоминаний о переселении на остров, о том, что застали переселенцы и как обустраивались[12]. Примечательно, что уже в этой части интервью проявилось характерное для судеб многих деревенских женщин военного поколения переосмысление традиционных мужской и женской ролей; оно ощутимо как в отношении к потере родного (о́тчего) дома, что своей семьей, что финской (см. разд. 2. С. 388), так и в отношении к рыболовству, промыслу мужскому, серьезно потеснившему в жизни самой Любови Ивановны исконную «женскую долю» – обустройство и ведение домашнего хозяйства, уход за скотиной, рождение и выращивание детей и т. д.

на берегу в сотне метров от участка Семеновых, которые, видимо, считали своим долгом за ним присматривать и чистить; он и сегодня снабжает водой жителей поселка.

[12] Расспросить об этом посоветовала Т. А. Голубева, с чужих слов рассказывавшая о будто бы оставшейся от финнов развитой островной инфраструктуре, полностью развалившейся к началу 1990-х гг.

«ЛИ: ...[Нас] вербовать приехал один вербовщик... што рыбачить, рыбу ловить. И вот мы сюда приехали... <...> ...Все – отец, мать и сестра еще у меня была.

– Значит, рыбачить... Тамара Александровна говорила, что здесь был совхоз...

ЛИ: Колхоз был. Рыбобаза была: принимали рыбу, коптили, шпроты делали... Все делали. Это счас такой упадок. Счас ништо не выгодно, мы сами себе не выгодны. <...>

– А на Чудском вы ходили рыбачить?

ЛИ: Нет, я там не ходила. Только здесе. А че мне было, сколько же?.. Война началасе – лет четырнадцать было... В войну уже никакой рыбалки настоящей не было. А война еще не кончилась, в 44-м мы вот сюда завербовались. Нас там сожгли немцы.

– У вас там дом был?

ЛИ: Ну, как дом... кухня и комната.

– Это отец ваш ставил?

ЛИ: Нет! Это мой дед ставил. А отец ничего не знал... Немножко рыбак был, а так – нет. По плотницкой он не умел, дед умел... Дед, вот, строил[13].

– Говорят, что здесь, когда вы приехали, все было финнами оставлено?

ЛИ: Ничего тут не было оставлено... Ничего. У них все было вывезено. Мы пришли – пустые дома. Ну вот, стул стоит... миска плохая или торелка... Но такого, штобы ишшо што-то... <...> Поля [были]... и лён был вот здесь, на горы. Вот... как к магазину идешь, тут лён был. Высокий! Ой, очень хороший!.. Мы приехали в 44-м 20 августа сюда. По вербовке... сюда надо было рыбачить. У нас мужики – рыбаки, вот нас и завербовали. В нашем сельском совете, с трех деревён[14]. А нам чего делать было? Жили мы в землянках. Нас сожгли же немцы... Да, кто в землянках, а у нас такой глиняный сарай был. В нас отец не знал топорища сделать... И добра не было, на што-то срубить дом. Ну што, ну и решили... поехали сюда. Тут хоть угол есть. Приехали, стали жать... – тут и рожь была, и пшеница... хлеба много. Но штобы с домов чего было оставших... ничего. Вот

[13] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А).

[14] В другой части интервью Любовь Ивановна называет эти три деревни – Мда, Раскопель, Драготилово (Драготино?) Гдовского р-на Псковской области.

в июле наши части пришли сюда, батарея пришла... а мы в августе приехали, 20–19 августа[15].

– *А большой здесь колхоз был?*

ЛИ: Очень. Да вот здесь эти дома все были колхозными. Може, домов пять было неколхозных: ваш дом[16], где вы живете, – неколхозный; потом... у пирса дом был неколхозный... Это поселкового совета[17].

– *И электричество было...*

ЛИ: Было! И кабель был, и телефон был... и все. А кабель... военные бросили якорь и переломили, и все. Сколько бы мы не... ничего не могли сделать. Ну, потом свои движки были тут... колхоз движки стал покупать, делать. Ну, так... горел свет: утром с шести до десяти, вечером – с шести до двенадцати, вот и все. И радио свое было, и телефоны были, и все было. <...> Все разрушилось. Все невыгодно стало, все... Я говорю, а рыбы сколько сдавали, как рыбобаза была! И солили, и коптили, и... и шпроты делали... А каки шпроты! – не теперешние...»[18]

* * *

Истории отрыва от малой родины у Любови Ивановны и Георгия Ивановича разведены в пространстве и времени: Любовь Ивановна с Чудского озера – это современный Гдовский р-н, северная часть Псковской обл., а Георгий Иванович откуда-то из части центральной – из Опочского р-на (усл.), и информация по Георгию Ивановичу относится к более раннему периоду.

«ТА: [Его, отца Г. И., звали] Иван... нет, не знаю [отчества]... если и знала, то у меня уже выскочило. Это относится к началу... двадцатого столетия. Ну... [он] был хозяином хутора Поддубенко. Это в Псковской области, совсем недалеко от Опочки и от Латвии. Надо иметь в виду, что Латвия была частью Российской империи... и никаких там границ, таможен, виз

[15] Зап. 10.08.01 г. – а/к. 2 (В).

[16] Имеется в виду дом Г. И. и Т. А. Голубевых.

[17] У колхоза были свой технический парк (и для обслуживания «рыбобазы», и для обработки колхозных земельных угодий), а также больница, школа, почта, коровник и конюшня, пекарня, клуб и многое другое.

[18] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А). Рыболовство как цель переселения и сетования Любови Ивановны по временам процветания островной «рыбобазы» обретают особое звучание с учетом того, что рыболовный промысел был изначально одной из ключевых статей процветания местного населения (есть данные об отлаженном ганзейскими купцами масштабном вывозе из архипелага сушеной и соленой рыбы).

для поездки из Псковской губернии на территорию латышскую... никаких препятствий не было. А у отца Г. И. была, как он сам говорил, торговая жилка – он скупал среди соседей своих лён и отвозил на территорию Латвии; там продавал, видимо, у него были заказчики, и покупал разные товары, которые пользовались спросом [здесь]. <...> Из одной из поездок он вернулся с молодой женой. И дальше... [жизнь на хуторе пошла несколько иначе] пошли дети[19]. <...> И стало это хуторское хозяйство процветать: была куплена косилка, какая-то механическая веялка, несколько коров...

– То есть и скотина, и хлеб... А лён? Помнится, Георгий Иванович рассказывал, как совсем еще ребятишками их засветло поднимали, и они шли мять-трепать лён...

ТА: А, может быть... Да... и лён, видимо, там был. Ну вот. <...> А я познакомилась с семьей мужа, когда мы в один из отпусков поехали в Торо́пец[20], где жили старший брат его, Тихон, и его семья. А в Торопец их занесло, потому что отца в известные годы раскулачили. Раскулачили за то, что он имел сверх положенного – лошади там... урожаи большие собирал... и [к тому же] они взяли осиротевшую девочку пасти коров. Кто-то донес, и их сочли кулаками. А сиротка – одних соседей девчонка, она голодала, осталась одна совсем. И они ее взяли и, собственно говоря, платили тем, что содержали ее – кормили и одевали, а она помогала – пасла коров. Так вот, им вменили в вину... чрезмерную зажиточность и эксплуатацию наемного труда.

– Понятно. И хутор перестал существовать?

ТА: Да. Дом взяли под какое-то административное...

– Г. И. говорил, что их избу разобрали и перевезли в ближайшую деревню, устроили в ней клуб или сельсовет...

ТА: Да, что-то такое... В общем, они отделались легко – их сослали почему-то в Торопец, а не [куда подальше]...

– Это не потому, что отец Георгия Ивановича был специалистом по льну?

ТА: Может быть. Может, поэтому. Вот... остатки семьи оказались в Торопце»[21].

---

[19] Георгий Иванович был третьим из семи детей и вторым по старшинству из четырех сыновей.

[20] Речь идет об июле – августе 1965 г.

[21] Зап. 23.09.13 г. – а/к. 5 (В, А).

2. Воспоминания о том, что островные переселенцы застали на месте, естественно затронули наезды в 90-е гг. финнов, бывших островитян. На слуху в это время была история про финку, будто бы родившуюся в старой бане Любови Ивановны.

«А финочка к вам приезжала... баню родную смотрела?

ЛИ: А... да. Они вот... две финки [сестры] перво приехали. Одна такая... полная финка. Приехала, походила... Ну чего, без переводчика – ничего. И через где-то недели две, они обои пришли. Ну, эта маленька-то, это боевая... – ой-ой-ой!.. Потом они два раза были с переводчиком, но всё переводчики там какие-то... десять минут побудут и... (*машет рукой*). Вот они говорят, что мы здесь родились. Но они отсюда уехавши очень давно, мы так поняли, что с той финской войны... Они сами. Родители-то, може, поздне́й уехали. Одной восемьдесят лет, а этой – семьдесят... шесть ли, семь ли?.. Маленькой. Вот: и мы здесе выросли... И на печку залезет – сфотографируют ее... Ага!.. В баню вот... Сауна, сауна!.. Да-да, говорю, сауна. Вот, так они и ездят.

– *Они почти каждый год бывают?*

ЛИ: Да не почти, а каждый. Первые года... они помоложе-то были, так и весной приедут, и осенью приедут. Один раз я дежурю там, в Приморске на молу... Господи... финны приехали. О! вылетае эта маленька... да в объятья – поехали!.. Я говорю: мне работать нада... поезжай!.. Как раз здесь [на острове] молодежь была... Поезжайте, говорю, там есть кому встретить вас. А теперя... в этой маленькой-то нет детей, а у тэй три дочки... теперь дочки ездят. И с мужьям»[22].

* * *

Одним летом к Голубевым также наведались потомки финнов, что жили на этом участке. Но проведывать, в общем-то, оказалось нечего: от старого финского дома остался лишь заросший фундамент[23], дом, в котором поселились Голубевы, был поставлен позже и в стороне, изменился до неузнаваемости и окрестный ландшафт.

[22] Зап. 10.08.01 г. – а/к. 2 (В).

[23] В земле у фундамента была найдена штампованная глиняная фигурка барашка (в ладонь величиной).

Финны в гостях у Голубевых (Георгий Иванович – в центре), 1996 (?) г.

3. Решение взять у Любови Ивановны интервью сложилось в вечер Петрова дня, когда от Семеновых стали разбредаться и разъезжаться отпраздновавшие День рыбака гости. Едва ли выйдет забыть, как уже в темноте, перекрывая прощальные напутствия и звук лодочного мотора, разнесся мужской голос: «Зимля-а-ничка, моя-а я-а-годка...»[24]

Когда прошла оторопь, зароились мысли, что надо бы узнать у Любови Ивановны, кто же такой голосистый, что знает еще и нельзя ли записать...[25] Кроме того, Голубевы не раз упоминали, что соседка – потомственная рыбачка с Чудского озера; Тамара Александровна рассказывала также, что Любовь Ивановна (видимо, уже овдовев, и пока не подросли сыновья) не раз водила артель островных рыбаков на лов, так, может, удастся

[24] Песня обрядовая из традиционной псковской свадьбы, исполнявшаяся во время опевания невесты. О приуроченности ее исполнения в обряде, а также образцы по Гдовскому р-ну см.: Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. Т. 1. С. 39–40, 111, 114, 142 (пример из д. Низовицы), С. 63–64 – о Петровом дне (29 июня ст. ст. – 12 июля н. ст.), но как пастушьем, а не рыбацком празднике.

[25] Певцом оказался дальний родич Любови Ивановны, завернувший по оказии в Приморск и утром следующего дня после гулянья на острове отправившийся домой.

расспросить про рыбацкий этикет и обычаи. Что касается последнего, надежды не оправдались, «улов» оказался скуден, но отчетливо проявилась страстная привязанность Любови Ивановны к рыбацкому промыслу.

«Любовь Ивановна, может, вспомните что-нибудь, связанное с промыслом? Что было можно, что нельзя? Были... какие-то особые действия, когда выходили на лов?

ЛИ: Ну, у нас так было. Вот, зимой Крещенье... это 19-го у нас оно января. Верно, не вру я. Так вот, уже на Крещенье три дня в море не ходят. Вода закрещивается. Три дня нельзя в море ходить. Вот это я хорошо помню, что уже на Крещенье не ходили.

– А еще?.. А для женщин были запреты?

ЛИ: Ну... вот как в море идут, если женщина с ведрам попала [навстречу] с пустым, то лучше вернуться. Никаких не будет... никакого улова. И опять... [смотря] какая женщина. Другая попадает женщина, так [с] ей, наоборот... улов большой.

– Это связано с тем, что... встречная – женщина замужняя или девица?..

ЛИ: Нет, это холостая... не замужем. Это уже все, лучше вернуться. А так – ничего.

– А женщинам говорили, когда пойдут ловить? Или это только мужские дела?

ЛИ: А нет. Она просто... бывает так, что вот у ней в семье никто не рыбачит. А рыбаки у нас собиралися в одном месте. Вот, я – бригадир, и ко мне все собираются, вся бригада. Вот мы и здесе рыбачили – и к бригадиру все собиралисе... Первый раз на рыбалку, конечно, в доме помолятся все. Выходит первый бригадир с дверей... Ну и едем, естественно, по деревне. И попадают навстречу есь[ли]... то уже всё, лучше вернисе. И уже они знают, какая навстречу. Другая женщина, она... скаже: рыбаки не проехали еще в озеро (у нас не море звали, раз у нас Чудское озеро, у нас озеро называли)... [так скажет:] “В озеро рыбаки не ехали – нет, не пойду, [во] встречу бы не попасть”»[26].

4. Вскользь упомянутое Крещение развернуло разговор на развлечения молодежи зимой, и Любовь Ивановна не без удовольствия вспоминала,

[26] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А).

как гадали на Святках и как «озоровали»; небезынтересным представляется и материал по су́прядкам[27].

«Наверное, мама отпускала вас побегать с подружками на Святках?
ЛИ: Ну, да. Бегали, гадали там...

– А как гадали? Расскажите...
ЛИ: Ну, как гадали?.. По-всякому... И рукавицу бросали... вот, варежку бросят – куда она ляжет: кверх ногам ляжет, то замуж не выйдешь.

– Кверх ногам – это как?
ЛИ: Вот этой стороной (*показывает на тыльную сторону ладони*).

– Ага...
ЛИ: А ладошкой – значит...

– Понятно.
ЛИ: Заборы меряли, вот, охватывали. Что у нас мама рассказывала (это она в девчонках была): прибежали забор мерить... да не этым... колышком загороженным[28] меряли, а жердям смеряли... А считать-то чего будем?.. Все, это дело прошло́. Вынесли таракана, говорю, на это, ну... на крясты, на четыре дороги. А Крещенье же, мо́розко. Куда таракан побежит, в ту сторону замуж выдадут. А такой-то морозина – он и лапы расширил и всё... и замерз (*смеется*). Петуху насыпа́ли зернышку, воды, денежку... петуха брали, выносили... куда он клюнет – за богатым буду или за бедным?..

– Значит, если денежку – за богатым, да?
ЛИ: За богатым.

– А если зерно?
ЛИ: Зерно – то хлебны... [богатый] тоже будет. А уж если воду клюнет, то пьяница...

– А как еще гадали?
ЛИ: Бумагу жгли и смотрели... да. Да олово лили – чего выльется там...

– Понятно. <...> А водосвятие на Крещение было?

---

[27] О супрядках и гуляньях молодежи см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. Псков, 2002. С. 48–49, 62–70, 625.

[28] Речь, судя по всему, идет о запорном колышке, запиравшем изгородь; здесь иная форма гадания – забор не обхватывали, а мерили с помощью предмета (но разгадывание все равно по принципу «чет-нечет»). См.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 48–49 (эксп. записи по Гдовскому р-ну).

ЛИ: Да. У нас на Крещение рубили Иордань в речке. Батюшка стоял... Иордань вырубят, вот как крест такой... батюшка освятит – крест туда опускаит. И вот и берут... из церкви берут воду, и с этого Иордани.

– А ряженые в Святки ходили? Куролесила молодежь?

ЛИ: Да, ходили, ходили ряженые...

– А они потом в Иордани купались?

ЛИ: Не помню этого...

– А как рядились, что надевали?.. Какие маски были?

ЛИ: Ну, какие маски?.. Морды намажут сажей... каки раньше маски были – никаких не было. Только што вот: разукрасят се[бе] лица, и все, и чё там... напялят на себя, и все.

– Специального названия тем, кто намазанные, не было?

ЛИ: Нет[29].

– А много было молодежи в деревне?

ЛИ: Много, конечно, было.

– И наверняка устраивали зимой посиделки-вечерки...

ЛИ: Да, вечерки были. Все време. На су́прядки ходили вот, с работой.

– А вы ходили на супрядки?

ЛИ: Ну, ходила я... Мало пришлосе ходить-то, чё там...

– Совсем молоденькие девочки, ну, как вы тогда, своей компанией собирались?

ЛИ: Да, да...

– Как бы малая вечерка...

ЛИ: Это маленькие, потом больше, потом еще побольше...

– Побольше – это сколько лет? Вот "маленькие" – лет двенадцать-тринадцать?..

ЛИ: Да, да, да... Побольше – это лет уже шестнадцать-семнадцать...

– Это уже возраст невест считался?

ЛИ: Да. А там уже и постарше собиралисе – лет двадцать – двадцать пять... таки, кто не замужем. Это были, были.

– А на вечерку с прялками приходили?

[29] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А).

ЛИ: Нет! У нас в основном... сетки вязали. Мы у Чудского озера, у нас основная эта...

– А учились петь на супрядках? Да и... просто, чтобы работалось веселее?

ЛИ: Ну, пели... сидели...

– А что пели?

ЛИ: Не спрашивайте, ничего не знаю. Не спрашивайте.

– Ну, а играли?

ЛИ: Но... играли... Да не знай, ничего не играли, по-моему. Я, говорю, мало... я очень мало ходила на эты посиделки. Чё-то я така была домашная.

– Домашняя... Ясно. Ну, к младшим на посиделки парни точно не ходили, а на среднюю [вечерку]?

ЛИ: На среднюю – да, да.

– А с чем ребята приходили?

ЛИ: Ну, с чем... они просто сидели. И то с этой... с игрой с какой-то или с балалайкой придут... ну, девчонки и пляшут.

– Там, наверное, уже не до работы было?

ЛИ: О, там не до работы! Ну, а я-то в каку кампанию ходила, так в нас этого не было. Мы, вот, по деревни побежим, кого-нибудь наºзоровать... вот, припереть [дверь] кому... дорожки просыпать... Кто с кем гуляет – тому дороги, "вехи" выторкаем. Да, веника возьмем и вот от этого дома... от парня к девки... так "вехи" и выторкаем. Или песком насыплем, а дело-то зимой, по снегу все видать. От, и говоря: "Ну, уже тут назоровали..." То у кого сани уволкём, куда-нибудь к дверям приставим, закроем, што не вылезти бы хозяину было вон. То струны проведем к окошку и за дверью... И вот утром – бум! бум!.. Он выскочит, а мы за угол. Нас опять нет, а он не поймет, чего такое бумкает-то это... Вот, это-то озоровали[30].

– Ну, ладно. А припевки на вечерках были? Парню девку припевали?

ЛИ: Ну, были... припевали, конечно. Но я это... я не знаю. Я такой человек, што...

– А кадриль была?

ЛИ: Кадрель тоже плясали, да...

[30] В экспедиционных материалах по молодежным бесчинствам в Гдовской традиции также есть записи, что «вешили дорогу» и «проводили струнки» (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 48).

– А где вы собирались на посиделки?

ЛИ: По очереди ходили... Вот, сегодня моя очередь – у меня сидят, завтра там – у другой подруги...

– А избу не откупали для посиделок?

ЛИ: Избу откупали, да это уже не на супрядки... У нас называлось не посиденка, а су́прядка – "Пошли на супрядку! Сегодня вот, к такой-то идем..." Ну, вот. А избу откупали – гуляли. Гуляли тама. Раньше же не было клубов-то, это теперя клубы есть и в деревнях, а раньше-то не было.

– А гулянья устраивали, чтобы невест выбирать?.. Присмотреть?..

ЛИ: Невесту и без гулянки выберут... и так выберут. Ой, не знаю... чего-то таких гулянок-то у нас и не помню, мало... Летом-то, конешно, на улицах гуляли больше всё... а зимой чё-то... Я говорю, мы попали под войну, так какие там гулянки...»[31].

* * *

О посиделках и молодежных гуляниях Георгий Иванович, разумеется, знал, но не рассказывал, возможно, не считая предмет достойным внимания, т. к. с раннего возраста для него на первом плане была работа, причем труд тяжелый, мужской. Вообще, из всего узнанного о Георгии Ивановиче сложилось впечатление, что мало было такого, чего он, взявшись, не сделал бы. Скорее всего, именно «равного» и распознала в нем Любовь Ивановна – «рыбак рыбака видит издалека»: Георгий Иванович был воспринят соседкой как «свой» (и псковские корни тут ни при чем) и находился у нее в неизменном уважении.

Основы, судя по всему, оказались заложены еще в хуторском детстве-отрочестве Георгия Ивановича – перед глазами был как пример отца, державшего их немалую семью, так и пример дядьки – неотъемлемой части семьи и фигуры весьма примечательной.

Надо признать, что в обоих интервью особый интерес представляет информация о внутрисемейных отношениях, но это тема, требующая отдельного рассмотрения.

«ТА: Хозяйство с многочисленными детьми... ну, мать (о матери Г. И. – *А. Н.*) была занята: они носили домотканую одежду, она все-таки была рукодельная – на всех ткала, шила, ну и, худо-бедно надо было все-таки

[31] Зап. 07.08.01 г. – а/к. 1 (сторона В).

Георгий Иванович ставит баню на участке, 1983 г.

готовить что-то, кормить... И при, вот, Иване... жил все время его брат. Младший брат. Григорий. Который был несколько чудаковатый: он чуждался женщин...

– *В каком смысле чуждался?*

ТА: Ну, вот, просто... пытались его там как-то пристроить, но он... никак. Он был при брате. Муж вспоминал, что в детстве они звали его нянькой, потому что он занимался детьми и помогал в домашнем хозяйстве.

– *Женская, в общем-то, получается работа...*

ТА: Да... он присматривал за детьми, и [на нем была] работа по дому. Причем, он относился к старшему брату... видел в нем чуть ли не бога... свет в окошке. И очень был бережлив, даже скуп на добро... хозяина.

– *Скопидом... Как домовой.*

ТА: Да, очень бережно относился ко всему...

– *Григорий, выходит, в Торопце при Тихоне жил, при его семье?*

ТА: (*жестко*) При Тихоне[32]. Да. Он остался [по смерти старшего брата]... и также вот, выполнял самую... неблагодарную... черную работу. <...>

[32] Тихон – старший сын, ставший по смерти отца главой семьи.

...[А] его отношения с петухом!.. Петух не допускал никого до курей... выходил, начинал прохаживаться и налетал на любого ястребом... Так, Григорий надевал невообразимый такой ватник, из которого “лезли перья”, треух... и лез, чтобы собрать яйца. Петух, не стесняясь, его там рвал, клевал (*смеется*)... В общем, он был на самой такой грязной, самой неблагодарной работе... причем очень ревностно всё выполнял. А мать, при каждом удобном случае... она ходила, опираясь на костыль, так... она его этим костылём в бок...»[33].

5. Любовь Ивановна не раз в интервью отвечала на вопросы о семейно-бытовых обрядах; наибольший интерес, как нам кажется, представляют ее рассказы о свадьбе (разд. 6. С. 398–408), а также о родинах, повитухах, колыбельках и колыбельных-байкалках. Но из последней темы, чтобы остаться в рамках статьи, и из-за более личного здесь, чем обычно, характера воспоминаний Любови Ивановны выпущен материал по родам и повитухам, а также, за небольшой ценностью, материал по крестинам, наведам и «взятии молитвы» роженицей[34].

«Любовь Ивановна, а вы внучку свою байкали?

ЛИ: Не... нет, она у нас с этою... с маткой росла, так нет.

– А своих-то детей байкали?

ЛИ: Ой, некогда было байкать-то. Я... вот, 30-го июня кончила рыбачить, а 6-го Володю родила. 30-го также кончила рыбачить, 8-го Колю родила. Да ище и не отпускали с моря... Ну, може, месяц после родов... може, по́была... и снова в море.

– Так они у вас моряки совсем...

ЛИ: Да, совсем моряки – хочь у лодки рожай было.

– А бывало, что в лодке рожали?

ЛИ: Да нет, такого-то не бывало. А это я, наверное, одна только вот так рожала, что, вот, с моря и неделю какую-то и дома... А если у меня бригад[иром] работа?.. Вот я и... У нас такой, царствие небесное, Тимоша Бобриков и ска[жет] так: “Слушь... (он по-скобарски говорил...) Слушь, бабы-то, в лодье рожать?.. Смотри, она с каким пузом...” И на кормы стою,

[33] Зап. 23.09.13 г. – а/к. 5 (В, А).

[34] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А, В); зап. 07.08.01 г. – а/к. 1 (В). Сведения о родильно-крестильной обрядности см. в кн.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 42–47.

и якоря таскаю, по 30 килограмм... Вот так, наша жись кака! О-ох... Байкать не приходилосе мне. У меня все мама.

– *А как мама байкала, помните?*

ЛИ: Ма... А-а... я и не видела, как... (*смеется*). И не видела. Я приеду с моря – это моё. Мне и спать охота, и она орё или он орёт. О-о-й... Один раз Людмилу...[35] так тую ис кровати уронила – раскачала, рука соскользнула, кроватка кверх ногам и... она – под кроватку.

– *Это... колыбель была?*

ЛИ: Ну... это кровать такáя была сделана, Павел[36] сделал, на качках – вот так: с боку на бок... А как уронила дочу, так мама и говорит: "Все. Плету люльку". Вот люльки с оц"епью – сверху-вниз... "Ты девку убила. Уродом сделаешь, засоня". Все меня ругала.

– *Мама сказала, что надо люльку плести... Она, что же, сама могла?... Умела?*

ЛИ: Нет, у нас... такой один мужчина был, он... вот, корзинки плел и люльки плел.

– *А люлечка какой формы? С округлым дном или с прямым [плоским]?*

ЛИ: Ну, люлечка вот такой длины была и вот такой ширины (*показывает руками*)... С прямым дном. Вверху веревки продергивалися и... тут такая очепь деревянная. <...> Это специально сосну... надо, штобы она была с болота, штоб она драласе хорошо. Она же [люлька] не с прутьев... а с лучинок. Нет, у нас мама не плела. Это у нас специально такой Денисов... вон там дом сгоревши... в конце... дядя Ваня такой жил. (Мама ска[жет]:) "Ай, пойду к Ваньке... к Ване Денисову, закажу люльку! Больше в этакой не буде качаться. Девку бы убила!" <...> А я раскачала, рука – хоп! упала, и она – кувырк!.. А уже эти двое ребят [сыновья Коля и Володя] в люльках качалисе... Здесе и рука соскочит, так все равно... не вывалится. Некогда было с ребятами. Я говорю: и приеду – спят, и уеду – спят. Ни выходных, ни проходных, никаких... ни отпусков – ничего не было.

– *А еще и скотину обиходить, наверное...*

ЛИ: Ну, скотина-то... У меня родители были, так... я не причастна была. У меня [все] мама... вот трое ребят [на] ей было, скотина, еще и на работу в колхоз надо бежать... Она здесь тоже... Ой!..»[37].

---

[35] Людмила – старшая из детей и единственная дочь Любови Ивановны.

[36] Речь о муже Любови Ивановны.

[37] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А); 07.08.01 г. – а/к. 1 (В).

* * *

На острове долго жила сделанная руками Георгия Ивановича колыбель (кроватка-качалка); позже на снятые от нее обода был поставлен деревянный «конь» – довольно условное, но крепкое «четвероногое», честно откатавшее на своей спине всех четверых внучат. Что до байканья, двух старших внуков Георгий Иванович терпеливо укачивал на устроенных им веревочных качелях, мерно напевая «Как родная меня мать провожала...».

6. Как оказалось, Любовь Ивановна сохранила в памяти многое из того, что может быть отнесено к традиционной псковской свадьбе. Пусть сбивчиво, но была выдана фактически вся структура свадебного обряда (к сожалению, не песенное и не плачевое его оформление[38]). Вспомнились также свадьбы *убёгом*, однако представления о выходе замуж по любви и не по любви, против воли, похоже, здесь смешались.

6.1. Скупо и, такое впечатление, что с неохотой рассказывала Любовь Ивановна про сватовство и сговор.

«Любовь Ивановна, а сватовство было? Расскажите, как сватали...

ЛИ: Ну-у... приходят тама... сват говорит: “Знаете чево... у вас, по-моему, тут телочка есь. Нам бы купить. У нас бычок есть, но[у] надо телочку”. – “Есь, есь”... Ну, вот и все.

– И все?

ЛИ: И все[39].

– А место не глядели? Не ходили смотреть, как жених живет?

ЛИ: Нет! Чего ходить-то (*со смешком*), если из одной деревни...[40]

– Все всё знают?

ЛИ: Угу.

---

[38] См. описание свадебного обряда северных районов (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39–41. Во Введении (С. 15, 20) А. М. Мехнецовым отмечено существование районов «непесенных» и «песенных» (Гдовского, в частности) и подчеркнута «исключительная важность» плачевой традиции (голошений) для псковской народной культуры).

[39] Любовь Ивановна – человек верующий, однако в ее памяти не сохранилось ничего об общем молебне, обычно завершавшем сватовство в случае получения согласия; впрочем, известное выражение «дать рогатку» (т. е. отказать) она тоже не упоминает. Ср.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39, 102 – приведен аналоговый ритуальный диалог сватов «про телочку» (д. Полна, Гдов. р-н).

[40] То есть обычай «дымничания», когда ездили «место смотреть», Любовь Ивановна не помнит (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39–40).

– Понятно. А кто ходил сватать? Ведь не всякий, наверное...

ЛИ: Ну, сватать – сваты... Я не знаю, по-моему... там у нас одна в деревни бы́ла...

– Сваха? Настоящая?..

ЛИ: Да, да, да... Сватать – это нада языкастому быть... Языкастому. Нада всего наговорить уйму! А если придешь, как вот я, ничего не зная, так...

– А еще что-нибудь отличало сватов от других? Может, они вели себя как-то по-особенному, так, что сразу было понятно, кто это и зачем пришел?

ЛИ: Вот этого не помню я...[41]

– А после сватовства был момент, когда договаривались о свадьбе?.. Сговор?..

ЛИ: Да, было что-то... но теперь я ничего этого не помню... <...> Дак, ише [с]перва вот приедут посватать... Это в нас... это не я, это мама рассказывала. Говори[ла]: приедут посватать, ну, посватали... И што, мол, скажете? Ну а, родители и говорят: вы-то уже обсудили в нас всю родню, раз ехали сватать. А мы-то откудова знаем, как у вас што, како поколение, да как родня?.. Вот они ешше откладывали... на сколько дней – не знаю. А потом, если соглашаются, то посылают вещ[ь] (весть. – *А. Н.*)...»; тогда – согласны. Вы-то, говоря, уже обсудили вот, каки у невесты там... семья какая, чего... а мы-то про жениха ничего не знаем, мы ж не знали, што приедут сва[тать]... Раньше же как сватали-то: не гулявши, ничего. Вот. Приехали, посватали... ну и ладно»[42].

6.2. С бо́льшим воодушевлением Любовь Ивановна говорила о свадебном наряде невесты и, в частности, о *крас(от)е*[43] – что она собой представляла, как выглядела, кто ее изготавливал, какие действия с ней проделывались и т. д., а также о «чесании головы» невесты (девичник).

«А какой у невесты был свадебный наряд, в чем выходили замуж?

ЛИ: Ну, она выходила... ей чтобы юбка с кофтой была, сарафан... с кофтой.

---

[41] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

[42] Зап. 07.08.01 г. – а/к. 1 (В).

[43] Прощание невесты с «крас(от)ой» см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 40, 114.

– *Одноцветные, да?*
ЛИ: Да.

– *Как парочка, значит... А “красота” была? Ее для невесты делали?*
ЛИ: Подружки делали. <...> Это цветами они обвязывают эту “красоту”, всё... подруги[44].

– *А расскажите про “красоту”... Какая она?*
ЛИ: Это... она... я даже не знаю, на чем она завязана...[45]. Вот она вся-вся в цветах!.. в цветах. И уж невеста никогда не выходила без “красоты́” без этой. И эту “красоту”, бедную... пляшут когда, ее всю... раньше же в деревнях потолки низкие... о потолок всю исстебают, обколотят.

– *Значит, на свадьбе плясали и красоту... подкидывали? Трепали?.. А кто? Невеста?*
ЛИ: Да... нет, не невеста. Невеста никогда не плясала на свадьбы. Там... вот, выходят дружки плясать... из-за стола выходят... берут “красоту” и с этой пляшут... “красотой”.

– *А невеста “красоту” подружкам не передавала?*
ЛИ: Нет. Не было такого.

– *А не сламывали верхушку дерева, когда невеста уезжала с родительского двора?.. Или, может, дом... угол дома (веткой, букетом) украшали?*
ЛИ: Не было, не знаю... Може, но я не видела[46].

– *Она, “красота”, как веночек, да?*
ЛИ: Да, венок и (х)фата.

– *Вот здесь (макушка) открыто?*
ЛИ: Нет.

– *Закрыто? Как шапочка?..*
ЛИ: Не шапочка, а фата... длинная фата! Все закрыто.

---

[44] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

[45] Очевидно, что под «красотой» имеется в виду головной убор невесты (венок), о «крас(от)е» – свадебном деревце (елочке) речи нет; ср. с материалом о «крас(от)е» и действиях с ней в кн.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39 (изготовление «красы»; хождение с «красо(то)й» при зазывании на свадьбу родни), 40 (пляска с «красо(то)й» во время застолья у жениха), 114 (прощание с «красой»), 117 («крас(от)а» – елочка).

[46] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

– Поняла. А волосы, прическу невесте как-то меняли? На женскую, нет?
ЛИ: Ничего, не ме[няли]... так, как обычно у ней было...

– И волосы не ходили чесать ей?..
ЛИ: Вот, когда ей... чешут голову, и когда поют "Земляничинку", вот и плачут.

– А кто к ней собирается, когда голову чешут?
ЛИ: Свои, родные.

– Женская только родня или все?
ЛИ: От невесты все... Только женская рода, только не мужчины, а все женщины.

– Понятно. Вот тогда, значит, и оплакивали.
ЛИ: Угу»[47].

6.3. Об опевании невесты (прощание с волей, с «крас(от)ой»), о пении и плачах в свадебном обряде.

«Любовь Ивановна, а невеста у вас плакала? Расскажите, как...
ЛИ: Вот, у нас по нявесты... это не в моё, а это в мамино [время]... собиралисе, эту "Зимляничину" пели. Накануне свадьбы собираются подружки... подарки приносят и вот эта поют[48].

– А на свадьбе вообще много пели?
ЛИ: Нет, не пели.

– Были только опевание и плачи?..
ЛИ: Да.

– А невеста сама плакала или кто-то ей помогал? Может, кто-то за нее плакал?
ЛИ: Ну... эту "Земляничинку" пели... Это, по-моему, подруги пели... А она при этом плакала. Да, вот эту песню подруги, по-моему...»[49].

---

[47] Зап. 07.08.01 г. – а/к. 1 (В). Любовь Ивановна лишь упоминает о «чесании головы» невесты на «вечерине» (= девичник) и ничего не говорит о надевании после венчания женского «сборника», предполагающего укладывание волос уже по-женски. См.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39–40, 111 («окручали невесту»).

[48] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А). Об опевании невесты, см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39–40, 114 (прощание с волей, с красотой; пение «скучных» песен и плач на их фоне).

[49] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

6.4. О приготовлении невестой приданого и даров[50] – тема, на которую Любовь Ивановна сворачивала неоднократно, и рассказывала с большим воодушевлением.

«А девушки собирались к невесте шить приданое?

ЛИ: Собиралисе. Помогать. Раньше же... в дом выходишь – весь убор в дом надо сшить было: занавески; полотенца чтоб были; на кровати – свекру и свекрови все бы было... <...> Вот они едут на смотрины, мерят... вымеряют. Потом вот, шьют, чтоб этот дом был весь украшен[51]. Это [всё] невестина работа, это невестина...

– А что-нибудь давали за невестой, кроме приготовленного ею приданого?

ЛИ: Ой, ничего не давали. В нас ничего не было[52].

– Шили, наверное, между сватовством и свадебным днем? Сколько приблизительно времени проходило, ведь не на следующий день?..

ЛИ: Нет, конечно... ведь надо всем [дары]... <...> Когда договорятся, тогда уже едут... и подружки с невестой снимают мерки: каки занавески, каки завесы, каки половики навезать в дом, ведь дом украсить надо весь, полностью. И половики вот эти... и все-все, штоб дом... А ну-ка, неси невеста... <а то> будут дразнить...[53].

– Невеста ведь, еще дары готовила?

ЛИ: Невеста обязательно. Она должна всю родню обдарить... женихову.

– А когда она их дарила?

ЛИ: Она дарила... Утром встает... когда ее свекровь будит, вот она должна [дарить] свекровь, свекра... там деверя, золовку... <...> Она <о своей матери>... вроде бы так она вспоминала, што... вот свекровь пришла разбудить, и она [невестка] должна ее пода... обдарить. И вот встает она и... свекровь [с]перва, а потом всех остальных утром дарит[54].

– А чем она дарила?

ЛИ: Ну, чем? Платки, там... свекрови, не знай... Повойники, вот, раньше же были, знаете... Вот этим. <...> Вот, дарят свекру... чтобы нижнее белье было... и жениху чтобы тоже было это нижнее белье.

---

[50] О приданом и дарах невесты (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39, 105).

[51] См. об этом: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39–40, 105.

[52] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

[53] Зап. 07.08.01 г. – а/к. 1 (В). Обычай «дом убирать» (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 105, 120).

[54] Зап. 10.08.01 г. – а/к. 2 (В).

– Нижнее белье... А рубаху она делала ему?

ЛИ: Да. Да, делала. Этою... свекрови, там... вот, свекрови-то я и не знаю, чего там... сарафан ли, кофту ли?.. Вот и это тоже. Ну а, золовкам... там че-то такое поменьше уже. <...> В баню идет, тоже... [надо] всех подарить, кто в баню ходит, – там пять семей ходит...[55] Всех надо обдарить. Но тех большинство поясами дарили. Поясы́ таки тканые были, и, когда едут с молодыми по деревне, вот эти пояса раскидывали[56].

– Прямо раскидывали?

ЛИ: Раскидывают по деревне, штобы собирали. На колодец невеста идет... тоже должна обдарить; только не обдари – и будут кричать "голая невеста". Или не дай... [когда] еде на лошадях, вот эти поясы не бросют... Тоже крикнут "голая невеста".

– "Голая", в смысле, что ничего у нее нет?

ЛИ: Что нету (*кивает*), что ничего не приготовила.

– Сколько же надо этих поясов... штук сорок?..

ЛИ: Ой! Да там не сорок, там нада сотни!.. Там сотни надо.

– Но она их... сама ткала-шила?

ЛИ: Да, она сама ткала...

– А вы [невестой] готовили дары? Делали?..

ЛИ: (Н)е-а. Я здесе выходила, так уже здесе не делалисе[57]. Ничего»[58].

6.5. О свадебных столах невесты и жениха; о фигуре и действиях дружки, а также о выкупе места, подушек.

«А свадьба вообще долго игралась?

ЛИ: Да нет. У нас, вот... как бы не спутать... У нас перва приежжаит жених... невесту забирает – поехали венчаться; повенчалися и приезжают

[55] Примечательно, что обрядовую баню невесты Любовь Ивановна не помнит (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 39), но помнит бытовавшую на родине практику бани на пять семей (рассказ о ней приводится далее).

[56] О дарах жениховой родне и о традиции разбрасывания «по народу» поясов («[невеста] должна обнизать поясам всю женихову родню...» (Гдов.)) см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С 40, 105.

[57] Интересным в этой связи представляется не публикуемый здесь рассказ Любови Ивановны о собственных навыках в прядении и ткачестве, поскольку с самого начала интервью обозначился приоритет для нее «мужского» дела (рыболовства) над трудом «женским», включая прядение-ткачество (Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А)).

[58] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

к невесты гулять. У нас в двух местах гуляют. У нас первы в невесты гуляют.

– *У невесты, наверное, вся женская родня собиралась?*

ЛИ: У невесты собираются вся женихова родня. Это у невесты гуляют. А когда едут к жениху, там уже вся невестина родня. Там жениховой нету никого.

– *Так... значит, два разных стола.*

ЛИ: Два разных стола. И в нас еще... вот, когда сидят за столами... Ну, это дело до войны было, я помню... так будут опевать. Будут песни там петь жениху, невесте... Им [поющим] бирюшку[59] кладут... И они вот: “Спасибо вам за серебряные денежки...” Или бумажные положат – за бумажные благодарность поют...

– *А дружка был?*

ЛИ: Был дружка.

– *С одной стороны или с обеих сторон?*

ЛИ: Были дружки с двух сторон.

– *Небось, торг устраивали... не помните, как торговались?*

ЛИ: Не помню. Помню, што у молодых подушки уносили, чтобы... женихов брат выкупал бы эти подушки[60]. <...> Вот... место выкупали. Это ставитце, когда приезжает жених со своим свидетелем, с дружкой. А подруги невесты стоят на етом месте, где им надо садитце... выкупите, а то стойте... Ладно, место выкупили, они – цап! подушки под мышки, стоят – садитисе на голу лавку, или и это выкупайте! Но тут уже дружки следят, чтобы невесту не тиснули! А то унесут еще и невесту (*смеется*).

– *А дружка с кнутом ходил?*

ЛИ: С кнутом. Вот, он когда входит в дверь, он [с]перва перекрестит этим кнутом... [Сам] полотенцем перевязанный...

– *А зачем его полотенцем перевязывали?*

ЛИ: А вот, я не знаю, к чему это... Обязательно перевязывали полотенцем.

---

[59] Плата: серебро, мелкая монета.

[60] О подушках: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 105 (изготовление), 112 (о «крещении» подушек, на которые могли сажать невесту во время опевания (во время «чесания головы»): «...дружка хлестал подушки кнутом, чтобы уберечь от сглаза» (д. Полна, Гдов. р-н)), 117 (обычай под выкуп красть подушки).

– Жениха тоже обвязывали полотенцем?

ЛИ: Нет, нет, жених ничем не обвязан[ый]. А дружки обвязаны полотенцем.

– А когда невесту собирали к венцу, пока жених еще не приехал, пели при этом?

ЛИ: Нет. Просто оденут и все»[61].

6.6. «*А специальный хлеб или пирог свадебный для невесты пекли?*

ЛИ: Для невесты? Шивыру́ху[62] пекли. И не для невесты, а для зятя.

– Расскажите...

ЛИ: С яичек. Вот... большу-у-ю. Подносит тёшша... зятю это. А зять должо́н на эту шивыруху поло́жить денюжки.

– А почему названа так интересно?

ЛИ: А шивыруха... вот не знаю, почему. Не яишница, а шивыруха. Из яиц, она толстая... И вот, зятю подносят.

– Это... после свадьбы?

ЛИ: Нет, это в свадьбу. Это когда у невесты гуляют. Вот это тёшша подносит зятю.

– А что еще могли подарить теще? Платок?..

ЛИ: Ну, платок... *(неуверенно соглашается, а затем вдруг жестко)* Деньги ложит.

– Ясно. А когда везли приданое невесты? Пока в церкви венчаются? В это время?

ЛИ: Да, да. Вот, когда с церквы выедут все... и тут сзади еще... поезд у нас назывался – "Свадебный поезд поехал!"[63]

---

[61] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А). О дружке с кнутом и с полотенцем через плечо (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 40, 116–117).

[62] Если судить по описанию, речь идет о «хлебинах», происходивших после свадьбы, когда молодые ехали «к теще на блины» или яичницу (вообще, название «шивыруха» было услышано впервые от Любови Ивановны. – *А. Н.*), но, по словам Любови Ивановны, приготовление и поднесение шивырухи – свадебное, а не постсвадебное действие (путаница? смещение?). О разных хлебах / пирогах свадебного обряда см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 40: а) жених с пирогом приезжает в дом невесты; б) хлебом благословение молодых ехать к венцу; в) хлебом свекр и свекровь встречают молодых от венца; г) на застолье в доме жениха свекровь выносит «похвальный пирог» (чтобы не хаяли невесту); д) к теще «на блины» или на «яишню» («хлебины»).

[63] Любовь Ивановна не упоминает характерных для псковской традиции именований свадебников, везущих приданое – «кашники», «жениловы», «[едут] с добром» или

– А большой бывал свадебный поезд?

ЛИ: Большой. Вот, я помню, до войны – у-у!.. А лошадей-то сколько, да все разукрашены-то... да все это к церквы-то подъедут... А мы туда, к церквы – ну-ка, смотреть...

– Жених с невестой вместе едут в церковь или раздельно?

ЛИ: Вместе. Вместе, вместе. Он же приезжает за ней [чтобы] в церкву ехать.

– А к жениной родне ездили после свадьбы? Было такое?

ЛИ: Да, было, ездили. Вот, жениховы едут к невесты родителям, а невестины – к жениховым. Смотрят дом, как чего...

– Это уже после свадьбы?

ЛИ: Да»[64].

6.7. О свадебной бане для невесты и принятой на родине Любови Ивановны бане на пять семейств.

«А перед самой свадьбой невеста в баню мыться ходила?

ЛИ: Ой, не помню.

– Может, после свадьбы? Мыли молодых, нет? Бывало, свадебники парами ходили...

ЛИ: Не знаю... Но у нас парами не принято ходить.

– В некоторых местах, говорят, ходили... мылись...

ЛИ: Это в некоторых местах. В нас, вот когда я замуж вышла, так товарищ Павла [мужа] говорил, шта: “Вот, в нас идут все вместе – мужики и бабы, все вместе идем мыться...” Как же его звали-то... Сережка, што ли?.. Я говорю: “Да вы што, ошалели, што ли, с чужими-то?!” – “Ну и что?” А он, погоди... он с Рязани был... рязанский был... там [видно] это принято было...[65]

– А что за баня на пять семей, про которую вы упомянули? Пять семей в одной бане?

ЛИ: Да, пять семей в одной бане.

узколокального (кстати, гдовского) «волки едут» (Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 40, 119–120).

[64] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

[65] Зап. 07.08.01 г. – а/к. 1 (В).

– А как тогда мылись? По... распорядку?

ЛИ: Все... женщины, вот, одным разом идут, а потом идут мушчины... [Нет.] Перва у нас мушшины идут в баню. Все намылися... ну, через сколько там... Скажут: "Ну, Петька там еще моется, подожди маленько, не ходи". И все. Они как-то все вот, дружно выходят, намылись, напарилисе, оделисе... и все по домам разошлисе. И идут все женщины.

– А не было запрета в третий пар ходить?..

ЛИ: Нет, было! Почему?.. У нас, вот, мужики в озеро ездят... Других, их с озера нету... в субботу, то уже подтопляют... баню, подтопляют, чтобы это... им намытьсе. Ходили, ходили [в третий пар]. У нас бани по-черному топилисе: вот, посредине каменка, с камней сложена, она так и топитсе... по-черному; ...и моемся – тут лавочки такие сделаны кругом... Но чтобы полежать, вот этого нет... полок-полатей... не было. Так вот мы, пять семей, и мылися. <...> Топили по очереди: сегодня моя очередь, я на всех воду грею... Два котла висят, и отливаем [из них]...»[66].

6.8. Про свадьбы «убегом» и замужество не по любви.

«А у вас не рассказывали, что свадьбы оборачивали?[67] *Не слышали?*

ЛИ: (Н)е-а. Вот слышала, что из-под венца девка убегала. Вот это слышала.

– Что, не по нраву был жених?

ЛИ: Не по нраву, видимо, был... из-под венца убежала. Жениха оставила.

– Но это, наверное, редкий случай?

ЛИ: Да, это редкий, редкий. Это вот, я слышала, что с-под венца... убежала.

– Раз убежала, значит, не по своей воле шла? Родители решали, за кого идти?

ЛИ: Ды[к]... У меня мать не по нраву выходила сама. Не хотела... Родители и говорят: "Но, Анна, не ходи ты (Нюшей было звать, а вообще так Анною)... Анна, не выходи". – "Да, мама, може, я и привыкну к нему, може быть, и буду жить". Так она не по любви и вышла. И сваты были хорошие... Да... так и отжила свой век. Так и отжила.

---

[66] Зап. 10.08.01 г. – а/к. 2 (В).

[67] Видимо, Любовь Ивановна поняла вопрос превратно, вместо порчи свадеб (а о том, что такие случаи бывали, она припомнит позднее) разговор свернул на свадьбы не по любви и «свадьбы убегом».

– То есть родители даже сказали ей, что не хочешь – не иди?..

ЛИ: Да. Как хочешь. И все равно пошла...

– Надо же... А бывало, что сбегали к любимому – влюбилась девка в парня и от родителей, никому ничего не говоря, убежала?

ЛИ: Бывали в нас... Григорьева здесе такая жила – эта убежала от матери... Полюбила и убежала к нему. И все. И мать в дверях стояла, а она все равно... удрала. Вот. Все равно.

– А молодые после свадьбы отделялись или оставались жить с родителями?

ЛИ: Ну, видишь, как семья... Если больша семья, так отделяли[сь], а если маленька... Вот, у меня мать жила, так она с семьей и жила, со свекрам... Золовка вышла замуж, и он <об отце> уже осталсе с родителями. Так все и вышло»[68].

* * *

В утраченном интервью с Георгием Ивановичем мало было сказано о женитьбе его отца, но не раз в этой связи упоминалось нечто вроде «порядной записи», брачного договора с указанием обязательств сторон; интерес представляет также контекст, в каком всплывало это упоминание. Есть здесь и пример того, что в начале XX в. в псковско-латышском пограничье, похоже, еще был в силе старинный принцип поочередной выдачи дочерей замуж.

«Вы рассказывали, что отец Георгия Ивановича скупал лён и продавал “за границей”...

ТА: Да, на территории Латвии, и возвращался с товарами, которые ему, видимо, заказывали.

– Георгий Иванович говорил, что его отец был настоящим знатоком, специалистом по льну. В советское время его ведь даже пытались привлечь к работе?..

ТА: Да, да. Ну, поскольку поездка [у него] занимала много времени, приходилось отдыхать и заночевывать. И особенно [его]... привечали в одной семье.

– Простите, а эта семья... это было русское поселение или латышское?..

ТА: Ты понимаешь, што у... Марии Сидоровны, матери Г. И., у нее разговор был, как вот... полурусский... полулатышский.

[68] Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (В).

– Георгий Иванович рассказывал, что над ней посмеивались – не понимали ее?.. Плохо говорила?..

ТА: Нет, там смеялись не над тем, что она плохо говорит. Не смеялись... [Дома] она не котировалась как невеста, потому что... во-первых, не блистала красотой, а, во-вторых, отличалась очень тяжелым характером – сварливая, неуживчивая такая... и [к тому же] грязнуля. А подросла и вошла в возраст младшая сестра...

– Так там было две сестры...

ТА: Может, и больше... но вот, тут речь идет о следующей сестре, которая как раз была и пригожа, и всем хороша... И жених тоже был и пригож, и богат, и любовь промеж них была... Все хорошо, но... засиделась в девках старшая. Для младшей к свадьбе было все готово, но свадьбе не быть [потому что старшая не вышла]...

– Смотрите-ка, пример того, что "через сноп не молотят"...

ТА: Угу. Вот и неслучайно так привечали и обхаживали... неженатого... и достаточно богатого... заезжего гостя. Уж чем его там улестили, чего наобещали... но он из одной из поездок вернулся... с женой.

– То есть их там [на родине Марии Сидоровны] обвенчали?

ТА: Да, [там] свадьба была. Он вернулся на хутор... пошли дети... На детей она не скупилась... Вот: старший – Тихон, после него... Нет! Самая старшая – Мария, потом Тихон, потом Георгий, потом Нил, потом... Зинаида, потом Иван, потом Дмитрий.

– Семеро...

ТА: Это, не считая того, что (еще и умирали)... Она сама мне говорила. Вот... как-то разговаривая со мной: Что ты, милая, абортов-то не делаешь?.. Я говорю: а как же, а што делать?.. – Ну как, што делать?! Грех большой берешь на себя... Я говорю, но, а куда же... вот у вас столько... у вас же, вы говорите, много умирало... – Ну, тут уж бог дал – бог и взял. А самой – ой, то грех на душу, доцушка!.. Она меня всё "доцушка"...

– А про то, чего ей так не хватало, расскажите... Это вам Мария (старшая золовка) живописала чудесный матушкин характер?

ТА: Нет, это... невестка... Валентина Платоновна, Тихона жена. А ее... она [М. С.], так сказать, поедом ела, потому что это была фронтовая жена. Он вернулся с фронта с Валентиной Платоновной и с рожденным там Витькой, незаконным. Он с первой женой развелся. <...> С невесткой Валентиной у нее [у М. С.] были конфликты на почве ее отношения к внуку... Витьку она звала не иначе как выблядок. <...> Но, вообще, без конца

были скандалы – все не так, не эдак... Иногда [она] меня просто преследовала жалобами. Вот, когда все расходились по делам, по работам... я оставалась, мать ходила за мной и всё: вот, Валентина – то, а Тихон ее слушает... а Тихон – не так, а это не так!.. Я, наконец, потеряла терпение и говорю: "Мама!.. (я даже ее мамой называла, чтобы задобрить), – говорю, – вот, скажите... ну вот, на что вы жалуетесь, чего вам не хватает? Вот я знаю, что когда вам нужно что-нибудь – сколько раз вы писали... и Георгий там... посылал вам деньги, посылал вам лекарства... Разве он вам когда-нибудь отказал?" – "Не-е, никогда! Если я что попрошу – сразу все!.. сразу, сразу, сразу..." – "Так. Вы обижены помещением? Вас куда-нибудь затолкали там, в какую-нибудь?.." – "Не-е-е... Еще б попробовали!.. Вон, лучшая светелка... эта моя". – "Ну, хорошо... в еде вам отказывают?.." – "Ну так, я же сама хозяйка – что хочу, то и съем, что хочу, то и беру!.. Еще б попробовали..." – "Так... чего вам не хватает, чего вам надо?" – "Поцёту..."

– *Поцёту. А еще про отношения Марии Сидоровны и дяди Григория расскажите...*

ТА: Угу. ...[их отношения меня удивляли; я говорила уже, что Григорий нашел замену умершему старшему брату в Тихоне и, как прежде, ревностно выполнял всю тяжелую работу по хозяйству, а мать ворчала] и при каждом удобном случае [торкала] его костылём в бок... Чуть что – раз! раз!.. этим костылем... И дядя Гриша терпел. Все терпел, терпел... Но, както временами, когда терпение его лопалось, и вся эта воркотня матери надоедала ему, он кричал: "Но, молчи ты, Машка!.. Где те деньги, где та шаль?! Ты, вот, лучше скажи, где те деньги? Где та шаль?.." И она замолкала, это ее унимало. Я, в конце концов, у Валентины спросила: "Слушай, что у них за предмет такой?.. Какие деньги? Какая шаль?.." Вот, Валентина мне объяснила, что это то, что было недодано... приданое матери. Там еще, в Латвии, [за ней] была обещана какая-то сумма, и обещана шаль. И эти деньги, и эту шаль они не дали... И Гриша не может этого пережить...

– *Ну да, он же такой домовитый!..*

ТА: Он не может этого забыть. Поэтому, когда он набирается храбрости... после всех этих нападок и издевательств со стороны матери... он ей припоминает "эти деньги" и "эту шаль".

– *А Валентина не говорила... или, может, Георгий Иванович упоминал, что обязательство дать шаль и деньги было как-то зафиксировано? Или то была просто договоренность?..*

ТА: Видимо, договоренность.

– Видимо, договоренность... Приплата за чудный характер Марии Сидоровны...

ТА: Да. А характер у нее был!.. Она боялась только Георгия Ивановича»[69].

Мария Сидоровна, мать Георгия Ивановича,
г. Торопец, 1965 г.

7. О плачевой традиции в связи с традицией погребальной[70] и с троицкой поминальной обрядностью; штрихи к статусу плачеи.

«Любовь Ивановна, давайте немного поговорим об умерших... Были какие-нибудь специальные действия с покойниками? У вас плакали, когда хоронили?

ЛИ: Плакали. У нас, знаете, голосят... Так, вот это ты злой на етого человека, но когда голосят... все равно заплачешь. Так приголашивают

[69] Зап. 23.09.13 г. – а/к. 6 (А). Примечательно пояснение Тамары Александровны, отчего Мария Сидоровна робела Георгия Ивановича: «Она его уважала, как образованного, что ли... Он – городской, он... [рано] оторвался от земли, от семьи... Закончив школу, он пошел работать учителем начальных классов... потом поступил в заочный учительский институт... То есть он был... в спинджаке [и] при галстуке... (Самостоятельный и чужой. – *А. Н.*)».

[70] В интервью Любови Ивановны имеется фрагмент о проводах рекрутов, но совершенно очевидно, что главным является плач не по рекрутам или свадебный, но связанный с похоронной и поминальной обрядностью.

они – всё, всё, всё-то всё приберут[71]: и как жисть-то бы́ла, и как там... – прости... А кто не умел голосить, то нанимали.

– *А-а, так были специальные...*

ЛИ: Да, женщины, вот... Я знай, вот у меня в подружки... В нас в конце четыре Любы было. Вот, у Любы у Тихановой умерла мать. И вот, голосила тут одна... ну вот действительно голосила...

– *А сама Люба Тиханова не умела?*

ЛИ: Не умела, но потом... выучилась. Потом она выучиласе. И вот ее [звали]... Было вот, на Троицу, после Пасхи же ходят на кладбище...

– *Обязательно ходили, да?*

ЛИ: Обязательно ходили... в Троицу. Ой, там в Троицу у нас так прямо с едой со всёй, и на могилках сидят по целому дню.

– *И плакали там?*

ЛИ: И плакали.

– *Вы говорите, что когда плакали, все-все вспоминали – подробный такой плач... А вот, на вынос плакали, на кладбище плакали, в Троицу тоже... Это все разные плачи были? Они не повторялись?..*

ЛИ: Нет, мне кажется, одинаково.

– *А сама вы плакали?*

ЛИ: Нет, я и голосить-то не умею. У нас мама очень хорошо голосила...

– *Ваша мама голосила? А не помните, как?..*

ЛИ: Не-а, не помню. Мама голосила, а я не умею. У меня мама когда умерла, тут така Наташа Куракина была, так она пришла, нам приголашивала. А ей, как матери умереть... она у меня лежала, ну не так чтобы... ну, лежала уже, все. И вот приснилосе она ей во сне, говорит: приходит она к ней во сне – как дернет одеяло... и она ей говорит: “Наташа, я умру, так ты [чтобы] поголосила”.

– *Заказ...*

ЛИ: Угу... Она [Наташа-то] говорит: “У тя дочки есь”. – “Дочки не умеют. Но ты поголось по мне”.

– *А как-нибудь объясняли, что голосить обязательно?*

ЛИ: Не знаю. У нас в деревне было заведено обязательно голосить.

– *А если не голосили? Ну, скажем, некому... бывало такое?*

ЛИ: Ой, чё-то не помню... Не помню.

[71] Переберут, перечислят.

– А... была такая... "профессиональная" голосница, которую звали, если некому?

ЛИ: Ну, у нас как... профессионально – нет; у нас, вот, если в родне умер кто-то там, примерно, тот, кто умеет, они все подходят и голосят.

– Ах так... Вся родня собиралась, и – кто умеет, тот...

ЛИ: Да, да... тот и голосит.

– А вместе? Бывало так, чтобы вместе?

ЛИ: Нет, только поодиночке.

– А... чтобы мужчина голосил?

ЛИ: Нет. Только бабы.

– Ясно. Вот, жалко, что вы не можете показать, как...

ЛИ: Нет, не знаю я... У нас мама очень хорошо голосила. Она, бывало вот сидит, прядет и буде голосить – мы переплачемся... Она сидит не плачет, а мы с Валюшей[72] переплачемся... Так жалобно она голосила.

– А... высоким или низким голосом голосили? Таким, как старые песни пели, нет?..

ЛИ: Нет, она так спокойно чего-то...

– Любовь Ивановна, на похоронах плакали, на проводах рекрутов плакали, на свадьбе плакали... А бывало, чтобы плакали просто по случаю – вот, тяжелый момент и...

ЛИ: Чё-то не помню...

– Что же вы не переняли от мамы-то...

ЛИ: А вот я не знаю... мне, видимо, медведь на ухо наступил.

– Скажете тоже...

ЛИ: Да, да, да, да! И в меня слуха нету, и вот, я кака-та така несобранная. Вот она [мама] что смотрит, то и приголахиват... и приговаривает это все, что тама... А вот ни я, ни сестра не выучилисе голосить, а она очень хорошо в нас [могла] голосить.

– А девушки у вас не собирались, чтобы учиться?

ЛИ: (Н)е-а. Нет, нет. И еще... У меня еще память... видимо, с памятью... што я вот, не запоминала. Другая раз только... и она уже все слова помнит. А у меня, вот, нету. Говорю, вот такая я непутёвая...»[73].

---

[72] Речь о сестре Любови Ивановны, видимо, младшей.

[73] Зап. 10.08.01 г. – а/к. 2 (В).

* * *

Опровержением сетованиям Любови Ивановны на непутевость, беспамятность и на медведя, отходившего ей все уши, стали слова, с которыми она пришла проведать разбитого инсультом Георгия Ивановича: «Что один-то у нас был цветочек синенький, да и тот увядает...» – чем не плачевой возглас, неожиданно обнаруживающий лирическую сторону этой внешне жесткой натуры.

8. Немного про нечистую силу и всякие странности: место, где чудилось; о знающих – знахарях и колдунах; о сглазе, а также почти былички о змеях, включая островные истории.

«А мама ваша ничего не рассказывала про домового, водяного или лешего?..

ЛИ: Да всё... говорили там...

– А что говорили?

ЛИ: Кому-то там причудивается да выходит... У нас такое место – “ку́тик” называли...

– Это где же?

ЛИ: Да это... на нашей родины. Вот, куда мама наша вышевши [замуж], и вот с нас надо, с нашей деревни, идти через этот кутик... В их деревня была как вот на полуострове – с одной стороны суша, а с трех сторон вода. Вода. Они у самого Чудского озера, на берегу... мы-то от его километра три еще были. У нас така речка протекала, а они – на самом. И вот всё и говорят: “Ночью не ходи – будет причудье”. Там с то́чка[74] (со смешком)... с этова то́чка черти выскочат.

– Черти? Прямо черти?

ЛИ: Да, прямо черти! (*смеется*).

– А что, были такие, которые видали?

ЛИ: Да, бог их знае! (*Смеется*). Были там мужики пьяные... напьются да о́кнут[75], наверное... Им казалось, что их куда-то увели...

– Понятно, значит, черти казались.

ЛИ: Черти казалисе.

---

[74] Здесь: место, вероятно, низкое, заболоченное или заливаемое водой.

[75] Здесь: видят то, чего нет; (им) чудится, мерещится.

– А про домового что-нибудь рассказывали?

ЛИ: Нет (*качает головой*).

– Ничего. И русалок не было в Чудском?

ЛИ: Нет. И русалок не было!

– Серьезное озеро, там не до русалок.

ЛИ: Да (*с удовольствием*), там не до русалок...[76]

– Вот ведь, хотелось мне у вас про чудесное узнать, а вы не рассказываете...

ЛИ: Да, нет. Не было у нас такова вообще!

– Но, может, люди рассказывали... А почему то место называлось "кутик"?

ЛИ: (*С готовностью*) Оно, место, знаете, такое... Оно топкое. Туда идешь, а там вот так (*показывает руками волнообразное движение*)... Потом уже мост[77] там сделали. А там вот... кака-то... з-заха́белька[78] такая... и, вот, там идешь по этому кую[79], а он так проседает... ходит ходуном. Вот это, видимо, кутиком и назвали. Кутик[80].

– А были в деревне люди, которые знали? Боль снимали, лечили...

ЛИ: Были, были... Раньше врачей-то не было, ну и побежали... к бабке-то. Она придет, хоть спрызнет водой да... поговорит, заговорит. Там, помогает ли, нет ли... но, видимо, такое самовнушение было. И вот, ходили... да, ходили к бабке.

– А вы сама к таким ходили?

ЛИ: Нет.

– Ясно. А были такие, про которых говорили, что они колдуют?

ЛИ: Да были. Говорили: не связывайтесь с ею ругаться, она колдунья. Вот, если она добро сделала, такое што, там... заговорила или вот, с глаза,

---

[76] В разделе, посвященном бытовавшим в северно-псковских районах поверьям, преданьям и быличкам, приводятся записи быличек о русалках, см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 209 (русалка требует вернуть забранный гребень (Гдов. р-н)).

[77] Здесь: мостки, настил.

[78] Здесь: вероятно, низина, зыбучее место.

[79] Вероятно, здесь: проход, бровка (край прибрежного склона); близким представляется одно из значений слова *куй* [пога] (sic: не пск., а арх.) – обнаженный отливом берег моря, см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 16 (Куделя – Лесной). Л., 1979. С. 30.

[80] Примечательно, что собств. псковское *кутик* – конец мотни рыболовной снасти (правда, это фиксация 1912–1914 гг.), см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 16. С. 169. Зап. 25.07.01 г. – а/к. 1 (А).

говорят, сделалося... Вот сглазили ее... Ну, спрысне... ой, како хорошо! Мол, помогло-то... – ну и будешь колдунья. Будешь колдунья.

– Выходит, особой разницы – знахарь, колдун – не делали. Главное, что-то знает и...

ЛИ: Да, знает – значит, всё.

– Понятно. А таких знающих много было в деревне?

ЛИ: Да нет... нет. Раньше же и рожали... бабки-пупо...везы (-резки?) вот тогда тоже приходили... бабки были... (*повитухи* – те же знающие. – *А. Н.*).

– Вы вспомнили про сглаз... а что еще делали такого... нехорошего? Килы сажали?..

ЛИ: А?!

– Килы? Хомуты?.. Нет? Ничего такого?..

ЛИ: Да нет, ничего. Это у нас мать рассказывала, что там вот, где-то... (то ли сказка кака...) колдунья бы́ла. Что, вот, чего-то этой бабки не дали, или мужику, и он сделал, что – всех в зверей, всю свадьбу в зверей превратил...

– Это в вашей деревне было?

ЛИ: Да, это вот говорили... А правда это иль нет... Бог его знает!

– Значит, портили у вас свадьбы...

ЛИ: Угу.

– И сглаживали.

ЛИ: Да. <...> У другова вот, глаз такой, что... Вот я лично, я боюсь маленьких ребят смотреть. Вот там другие говорят: ну посмотри, вон как[ой]!.. – Не буду. Не дай бог, я... мало ли с ним, чего плохо, а скажу[т], что я сглазила. Я говорю: не буду, не буду! У нас там в Приморске соседка, на площадке на одной... Прибегает: тётя Люба, пойдем, посмотри моего сына!.. А я это: Наташа, вот будет бегать, я и посмотрю. Не пойду я, говорю. Я боюся смотреть – мало ли што, только на меня поклёп будет. Вот я боюся.

– Ну да, бывает ведь, что даже своих сглаживают.

ЛИ: Да! Да... своих. Не со злости, а посмотрел, мало ли... вот глаз такой. Вот, посмотрела и всё. У нас, вона, у Максима[81] тешша... Ленка [жена его говорит]: “Вот, мать своя родная... придёт – ну всё, я как ни в своих санках!” От своей матери, от своей матери. Говори: “Какая она тяжелая у нас...

[81] Максим – внук Любови Ивановны.

Вот, не могу... меня буде ломать, пока она не уйдет... Я никакая делаюсь...” Ну, вот, видишь... Не со злости же она... человек такой... тяжелый. Вот такие дела.

– Любовь Ивановна, а про змей у вас что-нибудь рассказывали?

ЛИ: А чего... про змей?

– Да, говорят вот, что есть змея-молочница...

ЛИ: А-а! Так это я слыхивала тоже... А правда ли это – бог знает! Там в одной молока много у женщины... Да ей змея носит, говорят, молоко.

– Это что же, у вас на родине было?

ЛИ: Вот это... даже не на родине[82], а у нас вот здеся... все про одную говорили. У ей выставлено вона сколько... кринок-то стоит на этом... на крыльце. Вот, она ей наливает молоко. Правда ли? Но я этому не верю, конешно... Я этому не верю. <...> Говорили, што: да ну, у ея молока... ей змея носит.

– А-а, значит, было, рассказывали про змею-молочницу...

ЛИ: Поехали тут в нас куда-то вот... за солью... мужики. Это в нас про Тимошу Бобрикова[83] рассказывали. Правда ль это, нет?.. От, сидят, и у него масло – мажьте, мужики!.. Только ножом не трогайте... А как мазать? Не знаю, хоть пальцем!.. Ножом будешь – кровь покажется в масле...

– Да что вы!..

ЛИ: Да. Так вот, правда ль это? Эту я сказку слыхивала. А правда это, нет ли?..

– Это, значит, у чьей-то коровы отнял?

ЛИ: Да, вот, у чьёй-то, видимо, коровы отнято... вот змея принесла этому молоко, значит, она с кровью, с чужой... Ножом не берите... Берите там, хоть ложкой или чем...

– А ложка-то тоже металлическая...

ЛИ: Ну... Ножом нельзя.

---

[82] К представлениям о змее-молочнице и природе масла деда Тимоши: «Одним из воплощений колдовской силы была змея (реже – змей), которая сосала молоко у коров, носила колдунам через печную трубу ведра молока, муку, деньги, хлеб. Можно узнать о колдовской природе отнятого молока, перекрестив ножом масло, молочную крынку, другую посуду в доме колдуна – в молоке (или масле) покажется кровь...» (Гдов. р-н); см.: Народная традиционная культура Псковской области. Т. 1. С. 209.

[83] Ранее уже упоминавшийся островной житель, из псковских первой волны переселенцев.

– *Надо же! Это тот самый дед Тимоша Бобриков?*

ЛИ: Да. Вот это про деда Тимошу рассказывали, что ему носит змея молока. А правда – нет ли?.. Но я этому чё-то не верю...

– *Про некоторых говорят, что они особое слово знают...*

ЛИ: Таких у нас не было... Вот про одново говорили, что вот он... [мог] змею убить: он хоть обувши идет, хоть босиком... он ей на голову – хоп! Повернулся, раздавил голову и всё! Такой Ванька Кельнишев[84] был. Говори, босиком идет... он только ловит ей прямо на голову. И всё говорили: "Да он слово какое-нибудь знает, почему она его не укусит!.."

– *Считается, что на Воздвиженье змей много, они вместе собираются...*

ЛИ: Да, вот в Воздвиженье мы были за ягодам... так, очевидно. Пошли за брусникой туда, на дальнее... хюттинское[85] поле. Така гать там... Ну, к какому кусту не подойдем, везде змеи. Вот, куст ягод... подойдем – там змея. И так мы ходили, ходили... и так и ушли. В Воздвиженье они собираются... Вот мы были попавши.

– *Говорят, что они потом уходят зимовать.*

ЛИ: А может быть!.. Може, может быть»[86].

Интервьюированные:

1. *Семенова* (*Соловьёва*) *Любовь Ивановна* (1926–2013); родилась в дер. Мда Гдовского р-на Псковской обл.; образование – неоконченная сельская школа; на Большом Березовом с августа 1944 г., владелица дома и участка на острове (квартира в Приморске); на момент взятия интервью вдова; дети: дочь Людмила и два сына – Владимир и Николай; внуки и правнуки.
2. *Шатрова Надежда Михайловна* (1927–2012); родилась на хуторе Ха́лизиха Калининской (Тверской) обл.; на острове с середины 50-х гг.; вдова.
3. *Голубев Георгий Иванович* (1910–2002); родился на хуторе Поддубенко Псковской губ. (недалеко от Опочки); в результате раскулачивания семья оказалась в Торопце; получил высшее специальное

[84] Еще один островной житель, вероятно, тоже «из скопских».

[85] Сохранявшееся островными старожилами название из финской топонимики: дер. Хютте (Хюттяля) есть в реестре населенных пунктов острова XVII – 1-й пол. XX в. и какое-то время считалась частью дер. Саанрепяя (нынешнего Красноостровского), то есть речь идет о близлежащем болоте.

[86] Зап. 10.08.01 г. – а/к. 2 (В).

образование – учительствовал в школах Псковской обл. и Ленинграда; фронтовик, закончил войну в чине капитана; на острове с 1978 г.; двое детей, четверо внуков.

4. *Голубева* (*Тарасова*) *Тамара Александровна* (1926–2015); родилась в Ленинграде; в блокаду в 1942 г. была эвакуирована в Сибирь (Кемерово); после войны окончила с серебряной медалью школу, а затем исторический ф-т ЛГУ; преподаватель истории и обществоведения; на острове с 1978 г.; на момент интервью – двое детей, трое внуков.

Литература

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. Псков, 2002. Т. 1.

Природная среда и биологическое разнообразие архипелага Березовые острова (Финский залив) / Отв. ред. Н. Н. Цвелев. СПб., 2007.

Словарь русских народных говоров. Вып. 16 (Куделя – Лесной). Л., 1980.

References

Filin, F. P., ed. (1980). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Saint-Petersburg, 16.

Mekhnetsov, A. M., ed. (2002). *Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoi oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra*. Pskov, 1.

Tsvelev, N. N., ed. (2007). *Prirodnaya sreda i biologicheskoe raznoobrazie arkhipelaga Berezovye ostrova (Finskii zaliv)*. Saint-Petersburg.